

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КУКАЕВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 29361/02)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

15 ноября 2007 г.

Вступило в силу

02/06/2008

Настоящее решение становится окончательным в обстоятельствах, изложенных в ст. 44 § 2 Конвенции. Текст может подвергнуться редактированию.

По делу «Кукаев против России»

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседавая Палатой в следующем составе:

г-н П. Лоренцен, *Председатель*
г-жа С. Ботучарова,
г-на К. Юнгвирт,
г-н В. Буткевич,
г-жа М. Цаца-Николовска,
г-н Р. Марусте,
г-н А. Ковлер, *судьи*,
и г-жа С. Вестердик, *Секретарь Секции*,
проведя закрытое заседание 16 октября 2007 г.,
вынесли следующее постановление, принятое в вышеуказанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 29361/02) против Российской Федерации, поданной в Суд 23 апреля 2002 г. в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») г-ном Хамзатом Хасановичем Кукаевым («Заявитель»), гражданином Российской Федерации.

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представляли юристы Правозащитного центра «Мемориал» (Москва) и Европейского центра защиты прав человека (Лондон). Правительство Российской Федерации («правительство») было представлено г-ном П. Лаптевым, бывшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его сын исчез и впоследствии погиб в результате незаконного задержания. Заявитель жаловался на отсутствие эффективного расследования по делу, на моральные страдания, причиненные ему вследствие описанных событий, а также на отсутствие эффективных средств правовой защиты в отношении описанных нарушений. Он ссылаясь на ст. 2, 3 и 13 Конвенции.

4. 29 августа 2004 г. председатель Первой секции вынес решение о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке с применением Правила 41 Регламента Суда.

5. Решением от 23 октября 2006 г. Суд признал жалобу приемлемой.

6. Заявитель и Правительство направили в адрес Суда дополнительные письменные замечания (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родился в 1945 г. и проживает в Грозном.

8. Факты, как они были представлены сторонами, изложены в разделе А (пп. 9-61). Описание материалов, представленных правительством в Суд, содержится ниже в разделе В (пп. 62-66).

А. Факты

9. Заявитель приходился отцом Асланбеку Кукаеву, 1976 г.р., который на момент событий рассматриваемых в жалобе, был сотрудником отряда милиции особого назначения при Управлении внутренних дел РФ по Чеченской Республике («чеченского ОМОНа») и проживал вместе со своими родителями в г. Грозном.

10. В начале октября 1999 г. российским правительством была начата антитеррористическая операция в Чеченской Республике.

1. События 26 ноября 2000 года

11. Обстоятельства исчезновения Асланбека Кукаева оспариваются сторонами.

(а) Версия событий, изложенная заявителем

12. Заявитель не был свидетелем задержания своего сына, поэтому нижеследующее изложение фактов основано на представленных им свидетельских показаниях очевидцев, включая показания двоих сотрудников милиции, г-на Г. и г-на Дж., а также гражданского лица г-на А,

13. Утром 26 ноября 2000 г. сын заявителя вместе с другим сотрудником милиции, Д., выехали из дома на службу, которую они несли в штабе сил ОМОНа Чеченской Республики в г. Гудермес. Оба сотрудника были одеты в камуфляжную униформу и имели при себе удостоверения сотрудников ОМОНа.

14. Около 12 часов дня сын заявителя и Д. проезжали мимо центрального рынка г. Грозного на принадлежащем Д. автомобиле ВАЗ-2106 Жигули белого цвета. В это же время поблизости от рынка федеральными военными проводилась спецоперация (так

называемая «зачистка»). Согласно показаниям г-на Г., это были военнослужащие из мобильного отряда, базировавшегося в центральной части г. Грозного.

15. Военные блокировали автомобиль Д. и увезли Асланбека Кукаева и Д. с собой в направлении штаба федеральной дивизии оперативного назначения ВВ МВД РФ Дон-100. Спустя некоторое время военнослужащие также увезли их автомобиль «Жигули», который впоследствии не был найден. Заявитель утверждает, что упомянутый автомобиль был неоднократно замечен на территории базы федеральных войск в Ханкале.

16. Около часа дня сын заявителя, Д., и несколько других сотрудников милиции, чеченцев по национальности, задержанных в ходе спецоперации, включая г-на Дж., были посажены и увезены в автомобиле ГАЗ-66, на дверях которого была эмблема, изображающая скачущую лошадь. По словам г-на Дж., военные, проводившие задержание, обращались с ними грубо и оскорбительно.

17. Когда грузовик подъехал к проспекту Орджоникидзе в центре Грозного, старший офицер приказал Асланбеку Кукаеву и Д. вылезти из автомобиля. Г-н Дж. видел, как сын заявителя и Д. были препровождены шестерыми военными в направлении здания бывшего Грозненского общеобразовательного колледжа, после чего автомобиль поехал дальше.

18. Несколько сотрудников милиции, чеченцев по национальности, были задержаны в ходе зачистки на грозненском центральном рынке 26 ноября 2000 г.. Некоторые из них, включая г-на Дж., в тот же день были освобождены. Асланбек Кукаев и Д. пропали без вести после задержания.

19. По словам заявителя, 27 ноября 2000 г. по центральному российскому телевидению было объявлено о том, что несколько членов вооруженных бандформирований были задержаны в ходе «зачистки», проводившейся вблизи центрального рынка в Грозном. Заявитель прилагает данные, полученные с вебсайта организации «Human Rights Watch», согласно которым 26 ноября 2000 г. федеральные войска проводили спецоперацию по зачистке района центрального рынка г. Грозного, в ходе которой было задержано несколько человек. Впоследствии некоторые из задержанных пропали без вести.

(b) Версия событий, изложенная правительством

20. Правительство ссылалось на ответ Генеральной прокуратуры РФ, согласно которому 26 ноября 2000 г., в дневное время, около центрального рынка г. Грозного «неизвестные лица в камуфляже, вооруженные огнестрельным оружием» похитили сына заявителя и

еще несколько человек. Тела похищенных были впоследствии найдены в различных местах в г. Грозном.

21. Правительство также ссылалось на данные, предоставленные Управлением Федеральной службы безопасности по Чеченской Республике, согласно которым федеральные войска не проводили никаких спецопераций в районе Грозненского центрального рынка 26 или 27 ноября 2000 г.

2. Попытки заявителя разыскать своего сына и проведение официального расследования

22. Согласно показаниям заявителя, он узнал об исчезновении своего сына от соседа на следующий день после случившегося. Он сразу же отправился в Гудермес, в штаб сил чеченского ОМОНа, и стал наводить справки о своем сыне. Ему сообщили, что ни его сын, ни Д. на службе не появлялись.

23. Заявитель и его младший сын поехали к центральному рынку г. Грозного и стали расспрашивать о судьбе Асланбека Кукаева тех, кто находился там 26 ноября 2000 г. В частности, они расспрашивали военнослужащих мобильной группы, показывали им фотографии Асланбека Кукаева; однако военнослужащие отказались беседовать с ними.

24. Заявитель впоследствии обращался в ряд государственных органов, включая органы прокуратуры всех уровней, комендатуру г. Грозного, региональное и федеральное управления МВД РФ, Федеральную службу безопасности РФ, к Специальному представителю Президента Российской Федерации по соблюдению прав и свобод человека в Чеченской Республике, а также в Администрацию Президента РФ. В своих обращениях к властям заявитель ссылался на обстоятельства задержания своего сына и просил власти содействовать в выяснении обстоятельств его похищения. В большинстве случаев он получал формальные ответы с указанием того, что его запросы были направлены в различные инстанции Прокуратуры.

25. 13 декабря 2000 г. Прокуратура г. Грозного начала расследование по статье 126 § 2 УК РФ (похищение двух и более лиц группой лиц с использованием огнестрельного оружия) по факту исчезновения сына заявителя и г-на Д., . Делу был присвоен номер 12332.

26. 29 января 2001 года Прокуратура г. Грозного объединила данное уголовное дело с несколькими другими уголовными делами, возбужденными по фактам похищения людей вблизи центрального рынка г. Грозного 26 ноября 2000 г. их последующего исчезновения, на том основании, что данные преступления совершались одними и

теми же лицами. Материалам уголовного дела был присвоен номер 12331.

27. 30 января 2001 г. Управление ФСБ по Чеченской Республике направило обращение заявителя в военную прокуратуру – в войсковую часть 20102.

28. 13 февраля 2001 г. *Прокуратура г. Грозного* приостановила следствие по уголовному делу № 12331 в связи с невозможностью установления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых в совершении данного преступления.

29. В тот же день начальник ОМОНа МВД Чеченской Республики выдал заявителю справку, удостоверяющую, что Асланбек Кукаев числился сотрудником этого подразделения с 24 августа 2000 г. и пропал без вести 26 ноября 2000 г. вблизи центрального рынка г. Грозного.

30. В письме от 22 февраля 2001 г. военный прокурор войсковой части № 20102 вернул заявления матери Асланбека Кукаева и Д. в *Прокуратуру г. Грозного*. В письме указывалось, что данные заявления были направлены в военную прокуратуру войсковой части № 20102 по ошибке, так как участие военнослужащих в совершении рассматриваемого преступления установлено не было.

31. 18 апреля 2001 г. прокуратура г. Грозного возобновила расследование по уголовному делу № 12331.

3. Обнаружение тела сына заявителя

32. Судя по имеющимся фактам, в определенный момент в 2001 г., мобильный отряд, размещенный в центральной части г. Грозного, был заменен другим мобильным отрядом.

33. 22 апреля 2001 г. в ходе осмотра района, находящегося в их ведении, военнослужащие нового мобильного отряда обнаружили два тела со следами насильственной смерти в подвале Грозненского общеобразовательного колледжа на проспекте Орджоникидзе. Военнослужащие сообщили об обнаружении тел в районное управление внутренних дел и прокуратуру г. Грозного. По имеющимся свидетельствам, в тот же день была проведена судебно-медицинская экспертиза тел.

34. 23 апреля 2001 тела были опознаны родственниками как Асланбек Кукаев и Д. В тот же день заявитель похоронил своего сына.

35. По словам заявителя, тело его сына было обнаружено в 50 метрах от того места, где его в последний раз видели живым 26 ноября 2000 г. Заявитель также утверждает, что как 26 ноября 2000 г., так и в последующий период времени, данный район находился под полным контролем федерального мобильного отряда. Он также утверждал, что рассматриваемый район контролировался федеральными силами, был огорожен колючей проволокой с

наблюдательными вышками по периметру, а проникновение гражданских лиц внутрь этой зоны было невозможно, а также, что даже сотрудникам милиции и прокуратуры потребовалось специальное разрешение для получения доступа в оцепленную зону 22 апреля 2001 г. Заявитель предоставил нарисованную от руки карту района. Согласно ответу правительства, «в ходе расследования не было установлено факта нахождения под полным контролем федеральных войск района, в котором были обнаружены тела сына заявителя и Д., а также невозможности доступа в этот район извне».

36. 3 мая 2001 г. Республиканское бюро судмедэкспертизы по Чеченской Республике выдало медицинское свидетельство о смерти на имя Асланбека Хамзатовича Кукаева, 1976 г.р. В этом свидетельстве указывалось, что смерть сына заявителя наступила 26 ноября 2000 г. в результате огнестрельных ранений.

37. 1 июня 2001 г. отделом загс Ленинского района г. Грозного было выдано свидетельство о смерти сына заявителя. Дата и место смерти были указаны как «26 ноября 2000 г., г. Грозный».

38. 7 августа 2001 г. эксперт военно-врачебной комиссии УВД МВД РФ по Чеченской Республике выдал справку, удостоверяющую, что Асланбек Кукаев, сотрудник отдела милиции особого назначения Управления МВД по Чеченской Республике, погиб 26 ноября 2000 г. в результате «огнестрельного ранения в голову и пролома костей черепа».

39. 10 августа 2001 г. командир чеченского ОМОНа составил рапорт по результатам внутреннего расследования по факту смерти сотрудника Асланбека Кукаева. Согласно этому рапорту 26 ноября 2000 г. Асланбек Кукаев и Д. направлялись в Заводской район г. Грозного для выполнения боевого задания и пропали без вести в ходе спецоперации по зачистке местности вблизи Грозненского центрального рынка. 22 апреля 2001 г. их тела со следами насильственной смерти были обнаружены в подвале одного из разрушенных зданий по улице Орджоникидзе.

40. По заявлению правительства, заявителю и его жене была выплачена компенсация по факту гибели их сына как сотрудника милиции, находившегося при исполнении своих должностных обязанностей. Согласно закону РФ, такая компенсация выплачивается при потере кормильца и состоит из страховых выплат в размере 19 786,25 российских рублей (около 580 евро), единовременной выплаты в размере 44 365,80 руб. (около 1 300 евро), а также пенсии в размере 1 078,22 (около 30 евро), причитающимся каждому из них в отдельности.

4. Дальнейшее расследование

41. В письме от 21 мая 2001 г. прокуратура г. Грозного в ответ на запрос заявителя проинформировала его о том, что 12 мая 2001 года материалы уголовного дела № 12331, касающегося исчезновения Асланбека Кукаева и последующего обнаружения его тела, были отосланы военному прокурору военной части № 20102 с требованием провести дополнительное расследование.

42. 1 июля 2001 года прокуратура г. Грозного известила заявителя о том, что расследование по уголовному делу № 12331 было приостановлено 28 мая 2001 г. вследствие невозможности установить лиц, причастных к совершению данного преступления.

43. 7 августа 2001 г. Администрация Президента РФ направила жалобу заявителя в Генеральную прокуратуру РФ.

44. В письме от 21 августа 2001 г. Управление Генеральной прокуратуры РФ в Южном федеральном округе проинформировало заявителя о том, что его жалобы на неэффективность расследования похищения его сына были переданы в прокуратуру Чеченской республики.

45. 24 августа 2001 г. *Комиссия по правам человека при Президенте РФ* направила жалобу заявителя на неэффективность расследования убийства его сына на рассмотрение в Генеральную прокуратуру РФ. Последняя, в свою очередь, переслала жалобу в прокуратуру Чеченской республики 3 сентября 2001 г.

46. В письме от 10 сентября 2001 г. прокуратура Чеченской Республики запросила у прокуратуры г. Грозного материалы по уголовному делу № 12331 с целью провести расследование жалоб, поданных заявителем в связи с неэффективностью расследования убийства его сына.

47. 10 октября 2001 г. Министерство внутренних дел РФ проинформировало заявителя о том, что его жалобы были направлены на рассмотрение в прокуратуру Чеченской республики.

48. В тот же день прокуратура Чеченской республики направила материалы уголовного дела № 12331 объемом в 222 листов в прокуратуру г. Грозного с требованием провести дополнительное расследование. Прокуратура г. Грозного открыла расследование по данному уголовному делу 15 октября 2001 г., а затем приостановила его спустя месяц вследствие невозможности установить лиц, предположительно совершивших преступлений. Затем материалы данного дела были переданы в прокуратуру Заводского района г. Грозного.

49. 15 ноября 2001 г. прокуратура Чеченской республики передала жалобу заявителя в прокуратуру г. Грозного.

50. 25 марта 2002 г. прокуратура г. Грозного проинформировала заявителя о том, что уголовное дело, возбужденное по факту

похищения и убийства его сына, было приостановлено вследствие невозможности установить предполагаемых преступников, несмотря на то, что все возможные меры были приняты.

51. Как представляется Суду, никаких следственных действий в период между ноябрем 2001 г. и декабрем 2005 г. предпринято не было; попытки заявителя добиться возобновления уголовного разбирательства были безуспешны.

52. 4 ноября 2005 г. жалоба по данному делу была коммуницирована правительству Российской Федерации.

53. 16 декабря 2005 г. прокуратура Заводского района г. Грозного возобновила расследование по уголовному делу № 12331.

54. Решением от 22 декабря 2005 г. следователь, занимавшийся расследованием данного дела, возбудил уголовное дело по ст. 105 § 2 (а), (в) и (ж) УК РФ (убийство одного или более лиц, совершенное группой лиц, сопряженное с похищением человека) со ссылкой на факт обнаружения 22 апреля 2001 г.

55. 16 января 2006 г. расследование по уголовному делу № 12331 было приостановлено вследствие невозможности установить личности предполагаемых преступников.

56. 1 марта 2006 года это решение было отменено, а следствие по уголовному делу было возобновлено. Затем следствие прекращалось дважды, 1 апреля и 21 августа 2006 г., и возобновлялось 21 июля 2006 г. и 16 января 2007 г. соответственно.

57. По словам заявителя, в марте 2006 г. он был вызван в прокуратуру Заводского района и проинформирован о том, что расследование было возобновлено. Заявителю не был предоставлен доступ к материалам дела, а также было отказано в возможности сделать копии каких-либо документов.

58. Ссылаясь на информацию, предоставленную Генеральной прокуратурой РФ, правительство заявило, что 13 декабря 2000 г. властями было начато расследование по факту похищения сына заявителя и г-на Д., а затем, после обнаружения их тел, по факту убийства и хищения автомобиля, принадлежавшего Д. Расследование неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, однако к настоящему моменту личности подозреваемых в совершении данного преступления установлены не были. Уголовное дело было в последний раз возобновлено 16 января 2007 г. под контролем Генеральной прокуратуры РФ. По утверждению правительства, заявитель был должным образом проинформирован обо всех решениях, принимаемых следствием.

59. Правительство далее утверждало, что заявитель был допрошен 27 января и 30 апреля 2001 г. и 20 декабря 2005 г., а его жена, мать Асланбека Кукаева, была допрошена 21 декабря 2005 г. По заявлению правительства, заявитель никогда не делал заявлений относительно

того, что автомобиль Д., пропавший 26 ноября 2000 г., был впоследствии замечен на российской военной базе в Ханкале. Заявитель и его жена были признаны потерпевшими по данному уголовному делу 20 и 21 декабря 2005 г. соответственно, а 21 декабря 2005 г. они были признаны гражданскими истцами, требующими возмещения ущерба в рамках уголовного судопроизводства. Родственники других лиц, похищенных 26 ноября 2000 года, также были допрошены.

60. Следственные органы также допросили четверых лиц, включая г-на Дж., которые, по заявлению правительства, были «задержаны федеральными военнослужащими 26 ноября 2000 г. в ходе спецоперации и освобождены позднее», равно как и четверых сотрудников милиции, включая г-на Г., и военнослужащих, обнаруживших тела сына заявителя и г-на Д. Правительство не указало даты, когда были получены показания свидетелей, заявив, что все допрошенные свидетели показали, что не обладали какими-либо сведениями относительно лиц, совершивших указанные преступления.

61. Далее правительство заявило, что 23 апреля 2001 г. тела Асланбека Кукаева и Д., обнаруженные 22 апреля 2001 г., были осмотрены судмедэкспертами, которые составили заключение 17 мая 2001 г., согласно которому смерть вышеупомянутых лиц наступила в результате огнестрельных ранений. Правительство заявило, что органы, проводившие расследование данного преступления, обращались с запросами в различные государственные органы 19 декабря 2000 г., 3 января, 18 апреля, 8 мая и 28 мая 2001 г., а также 18 декабря 2005 г. В своем письме от 3 марта 2006 г. следователи отправили в прокуратуру Новосибирска запрос о проведении допроса сотрудников Новосибирского ОМОНа, которые несли службу в Чечне между 20 и 28 ноября 2001 г. (а не 2000 г.). Остается неясным, был ли получен ответ на этот запрос. 20 марта и 11 августа 2006 г. следователи обратились в городской и районный отделы внутренних дел Чеченской республики с запросом о проведении расследования для установления лиц, причастных к преступлению. По утверждению правительства, никакой информации по существу дела получено не было, за исключением ответа из УФСБ по Чеченской республике, где заявлялось, что никакой информацией относительно лиц, совершивших данное преступление, данное ведомство не располагает. Правительство заявило, что власти также приняли другие следственные меры в рамках расследования, однако не указало, какие именно.

В. Документы, представленные правительством

1. Запрос Суда о предоставлении материалов уголовного дела

62. В ноябре 2005 г., Суд предложил Правительству РФ представить копию материалов уголовного дела № 12331, возбужденного по факту похищения и убийства Асланбека Кукаева. Ссылаясь на информацию, полученную из Генеральной прокуратуры РФ, правительство ответило, что следствие не завершено и раскрытие относящихся к нему материалов будет являться нарушением ст. 161 УПК РФ, поскольку таковые содержат информацию военного характера, а также информацию личного характера, касающуюся свидетелей. Правительство, однако, согласилось представить некоторые документы, «раскрытие которых не будет противоречить требованиям ст. 161». В феврале 2006 г. Суд повторно отправил свой запрос в адрес правительства и предложил применить Правило 33 § 3 Регламента Суда. В ответ правительство представило еще несколько дополнительных документов, отказавшись, однако, предоставить материалы уголовного дела целиком по упомянутым выше причинам.

63. 23 октября 2006 г. жалоба была признана приемлемой. На этом этапе правительству было повторно предложено Судом представить материалы уголовного дела, а также информацию относительно хода расследования. В феврале 2007 г. правительство проинформировало Суд относительно дат приостановления и возобновления расследования и представило несколько документов, относящихся к периоду после апреля 2006 г. Всего Правительство представило 67 документов общим объемом 74 страниц из материалов уголовного дела, общий объем которого, как можно было заключить из нумерации страниц, составлял по крайней мере 235 страниц. Представленные документы включали в себя:

(а) копии показаний двоих военнослужащих, обнаруживших тела сына заявителя и г-на Д. 22 апреля 2001 г.;

(б) многочисленные процессуальные решения, на основании которых расследование по делу № 12331 приостанавливалось и возобновлялось;

(в) ряд постановлений следователей, в производство к которым поступало дело № 12331;

(г) решения о признании родственников некоторых из пропавших без вести 26 ноября 2000 г. потерпевшими по уголовному делу № 12331, в число которых, однако, не входил заявитель;

(д) письма, датированные 17 декабря 2005 г. и уведомляющие заявителя и мать г-на Д. о передаче дела в прокуратуру Заводского района;

(е) многочисленные письма, уведомляющие заявителя и родственников других жертв о приостановлении и возобновлении расследования по уголовному делу № 12331.

64. Правительство не представило Суду никаких других материалов упомянутого уголовного дела.

2. Письма из российских судов

65. Правительство приложило к материалам дела письма из различных судебных инстанций Российской Федерации, в которых говорилось о том, что заявитель никогда не подавал жалоб на якобы незаконное задержание его сына и не обжаловал в судах какие-либо действия либо бездействие следственных или других правоохранительных органов.

3. Решения национальных судов

66. Правительство также представило копии решений национальных судов, принятых по не имеющим отношения к данному уголовному делу гражданским и уголовным делам. В их числе были три решения судов первой инстанции, по которым федеральные военнослужащие, рядовые и младшие офицеры, были осуждены за уголовные преступления, совершенные в Республике Ингушетия или Чеченской республике, решение суда первой инстанции и кассационное определение, по которому присуждалась компенсация за ущерб, нанесенный частной собственности военнослужащими в Ингушетии; решение суда первой инстанции и решение по обжалованию, по которому присуждалась компенсация первому заявителю в деле *Хашиев и Акаева против России* (№№ 57942/00 и 57945/00, решение от 24 февраля 2005 г.) в связи с гибелью его родственников в Чечне; а также решение суда первой инстанции и кассационное определение, по которому присуждалась компенсация за бездействие следственных органов в ходе расследования похищения человека в Карачаево-Черкессии, похищенный был впоследствии освобожден.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

67. До 1 июля 2002 г. уголовно-правовые вопросы регулировались Уголовно-процессуальным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятым в 1960 г. 1 июля 2002 г. старый кодекс был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

68. Согласно ст. 125 измененной и дополненной редакции Кодекса, решение следователя или прокурора прекратить производство по уголовному делу либо приостановить расследование, а также другие решения и действия или упущения, которые могут нарушать конституционные права и свободы сторон в уголовном процессе либо препятствовать доступу граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районном суде, который наделен полномочиями проверять законность и обоснованность оспариваемого решения.

69. Ст. 161 новой редакции УПК закрепляет правило, согласно которому информация, касающаяся предварительного следствия, не может быть раскрыта. Согласно п. 3 той же статьи, информация из материалов уголовного дела может быть обнародована с разрешения прокурора или следователя, однако лишь постольку, поскольку это не нарушает права и законные интересы участников уголовного процесса и не наносит ущерба ходу расследования. Запрещается разглашение любой информации, касающейся личной жизни участников уголовного процесса, без соответствующего их разрешения.

Вопросы права

I. Предварительные возражения правительства

A. Статус заявителя в качестве потерпевшего

70. Правительство не высказало никаких определенных возражений относительно признания заявителя потерпевшим в данном деле, однако заявило, что его требования компенсации в связи с гибелью сына являются необоснованными, так как ему уже была выплачена определенная сумма компенсации на национальном уровне.

71. Заявитель возражал, что ссылка правительства на выплату ему и его жене определенной суммы компенсации в связи со смертью их сына не относилась к обстоятельствам данного дела, так как выплаты, о которых шла речь, в любом случае причитаются семьям погибших при исполнении служебных обязанностей сотрудников милиции и не затрагивают вопроса ответственности государства в каждом конкретном случае такой гибели.

72. Поскольку данный аргумент правительства может рассматриваться как возражение по поводу признания заявителя потерпевшим в данном деле, Суд считает, что данные выплаты не могут лишить заявителя статуса потерпевшего в значении ст. 34

Конвенции, поскольку, во-первых, российские власти не признали факта имевших место нарушений, а во-вторых, данная компенсация была в любом случае выплачена заявителю на основании того, что его сын был сотрудником милиции и погиб при исполнении служебных обязанностей, а не на основании заявленных нарушений прав, установленных в Конвенции. Таким образом, возражения правительства отклоняются Судом.

В. Предполагаемое неисчерпание заявителем средств защиты на внутригосударственном уровне

1. Доводы сторон

73. Правительство просило Суд признать жалобу неприемлемой ввиду неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты. Правительство ссылалось на то, что расследование похищения и гибели сына заявителя на тот момент завершено не было. Оно также ссылалось на то, что у заявителя была возможность обращаться в суды с жалобами на незаконное задержание своего сына или, в соответствии с положениями ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, обжаловать в судах любые действия или бездействие следственных и любых других правоохранительных органов в ходе расследования, которыми заявитель не воспользовался. В этой связи правительство ссылалось на письма судебных инстанций Российской Федерации (см. п. 65 выше).

74. Заявитель не согласился с возражением правительства. Он утверждал, что факт длительного проведения расследования обстоятельств исчезновения и гибели его сына является основанием для сомнений в его эффективности, а сам он в любом случае не был проинформирован о ходе расследования, будучи, таким образом, не в состоянии вовремя обжаловать решения, принятые в рамках следствия. Заявитель также возразил, что правительство не смогло убедительно продемонстрировать, что предложенные ему средства правовой защиты были эффективными и, в частности, что они могли привести к установлению личности и наказанию виновных в совершении данного преступления, как того требует установившаяся практика Суда в отношении жалоб, поданных по ст. 2 Конвенции.

2. Оценка Суда

75. Суд отметил, что в своем решении от 23 октября 2006 г. он посчитал вопрос исчерпания внутренних средств имеющим прямое отношение к существу данной жалобы сочтя поэтому, что оба вопроса

должны быть рассмотрены одновременно. Далее Суд перешел к оценке доводов сторон в свете положений Конвенции и актуальной практики.

76. Суд повторяет, что правило, касающееся исчерпания внутренних средств по ст. 35 § 1 Конвенции, обязывает заявителей вначале использовать доступные им на национальном уровне правовые средства защиты для восстановления своих нарушенных прав. Существование подобных средств должно быть гарантировано как в теории, так и на практике, иначе такие средства не будут обладать требуемой степенью доступности и эффективности. Ст. 35 § 1 также указывает, что жалобы, которые впоследствии будут поданы в Суд, должны вначале быть представлены в соответствующий орган на национальном уровне, по крайней мере, по существу, в соответствии с формальными требованиями и в отведенные национальным законодательством сроки. Любые меры процессуального характера, способные предотвратить нарушение Конвенции, должны быть использованы. Что касается средств, являющихся неэффективными либо несоразмерными, то использование таковых обязательством не является (см. *Aksoy v. Turkey*, решение от 18 декабря 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, стр. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 16 сентября 1996 г., *Reports* 1996-IV, стр. 1210, § 65-67; и, из последних, *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, № 41964/98, § 64, 27 июня 2006 г.).

77. Государство-ответчик, заявляющее о неисчерпании заявителем внутренних правовых средств защиты, должно указать Суду те средства правовой защиты, которыми не воспользовался заявитель, и с достаточной степенью убедительности показать Суду, что данные средства были бы теоретически эффективны и практически доступны заявителю на тот момент времени; иными словами, что они были доступны заявителю, могли обеспечить восстановление его нарушенных прав и имели значительные шансы оказаться эффективными (см. вышеупомянутые решения по делам *Akdivar and Others*, с. 1211, § 68, или *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, § 65).

78. В данном деле в отношении возражений правительства о том, что заявитель не обращался в суд в связи с исчезновением сына, Суд отметил, что в период с 26 ноября 2000 г. по 22 апреля 2001 г., когда Асланбек Кукаев числился пропавшим, заявитель активно пытался установить его местонахождение и обращался с этой целью в различные органы (см. пп. 22-24), в то время, как признания того, что сын заявителя был задержан ими, от властей так и не последовало. В данных обстоятельствах и особенно в отсутствие доказательств, подтверждающих сам факт задержания, даже если предположить, что правовые средства, на которые ссылается правительство, были доступны заявителю, остается под вопросом тот факт, имела ли бы жалоба в суд на непризнанное властями задержание сына заявителя

какие-либо шансы на успех. Более того, правительство не сумело убедительно показать, что указанное им правовое средство могло обеспечить восстановление прав заявителя в его ситуации, или, другими словами, что использование заявителем этого средства привело бы к освобождению Аслабека Кукаева (в особенности учитывая тот факт, что формально дата его смерти была впоследствии указана как 26 ноября 2000 г.), а также к установлению личности и наказанию виновных.

79. Что касается периода после 22 апреля 2001 г. - даты обнаружения тела сына заявителя, - то очевидно, что любые жалобы в суд не были бы адекватным средством правовой защиты для заявителя.

80. В свете вышесказанного Суд считает предложенное правительством средство правовой защиты неэффективным по смыслу Конвенции. Суд постановил, что заявитель не был обязан использовать это правовое средство и данная часть возражений правительства должна быть, таким образом, отклонена.

81. Что касается возражений правительства относительно незавершенности продолжавшегося расследования и необращения заявителя в судебные органы в соответствии со ст. 125 УК РФ по поводу действий либо бездействия следственных либо других органов в ходе расследования, Суд отметил, что, во-первых, правительство не указало, какие конкретные действия или бездействие следователей могли быть опротестованы заявителем в судебном порядке. Суд далее отметил, что правовой инструмент, на который ссылалось правительство, вступил в действие только 1 июля 2002 г., и что заявитель был очевидно не в состоянии воспользоваться им до этой даты. В том, что касается последующего периода, Суд посчитал, что данная часть предварительных возражений правительства поднимает проблемы, напрямую связанные с вопросом эффективности расследования, и что было бы уместно рассмотреть ее в части рассмотрения жалобы заявителя по существу ст. 2 Конвенции.

II. Предполагаемые нарушения ст. 2 Конвенции

82. Заявитель жаловался на то, что его сын пропал без вести после его задержания представителями федеральных сил и был позднее найден мертвым, а национальные власти не провели эффективного расследования произошедшего. Он ссылаясь на Статью 2 Конвенции, согласно которой:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи,

когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Предполагаемое отсутствие защиты права на жизнь

1. Доводы сторон

83. Заявитель утверждал, что тот факт, что его сын был задержан и убит представителями федеральных сил, не вызывает никакого сомнения. В частности, он указал, что факт похищения его сына и последующее обнаружение его мертвым, а также факт похищения его сына на центральном рынке г. Грозного 26 ноября 2000 г. никогда не оспаривался правительством. Более того, было официально установлено, что сын заявителя был убит в тот же день, в который он был задержан, т.е. 26 ноября 2000 г. Заявитель настаивал на том, что, вопреки утверждениям правительства, факт проведения федеральными силами операции по зачистке Грозненского центрального рынка был подтвержден письменными показаниями троих свидетелей, (см. п. 12 выше), а также информацией, собранной организацией «Human Rights Watch» (см. п. 19 выше), а в ходе этой спецоперации федеральные силы задержали его сына.

84. Правительство признавало тот факт, что сын заявителя был похищен около Грозненского центрального рынка 26 ноября 2000 г. и позже найден мертвым, однако утверждало, что нет никаких оснований полагать, что государство несет ответственность за предполагаемое нарушение права на жизнь. В этой связи правительство ссылалось на ответ из Генеральной прокуратуры РФ, согласно которому следственными органами не было получено никаких свидетельств похищения Асланбека Кукаева представителями федеральных сил. Правительство также ссылалось на информацию, полученную от УФСБ по Чеченской республике, согласно которой вблизи центрального рынка г. Грозного ни 26, ни 27 ноября 2000 г. никаких спецопераций федеральными силами не проводилось. С другой стороны, правительство ссылалось на показания четверых лиц, среди них г-на Дж., все из которых, по словам правительства, «были задержаны федеральными силами 26 ноября 2000 г. в ходе спецоперации и позже были освобождены». Позже правительство поясняло, что спецоперация была упомянута им только с той точки зрения, с которой она была упомянута данными свидетелями во время допроса. Правительство также отмечало, что члены незаконных бандформирований, действовавших на территории Чеченской

Республики, неоднократно использовали поддельные удостоверения сотрудников милиции для получения доступа в дома местных жителей и возможности задерживать и убивать их, а реальные сотрудники правоохранительных структур нередко становились жертвами боевиков.

2. Оценка Суда

85. Суд повторяет, что в свете важности обязательства по предоставлению защиты в рамках ст. 2, он исследует с особой тщательностью факты причинения смерти принимая во внимание как действия представителей государства, так и сопутствующие обстоятельства. Лица, подвергнувшиеся задержанию, находятся в уязвимом положении, и власти обязаны их защищать. Таким образом, если человек попадает под стражу здоровым, а затем, по освобождении, у него обнаруживаются телесные повреждения, государство обязано представить правдоподобное объяснение того, каким образом были получены данные телесные повреждения. Обязательство властей отчитаться за обращение, которому задержанное лицо подвергалось под стражей, является строгим в тех случаях, когда задержанное лицо впоследствии умирает либо исчезает без вести (см., в том числе, дело *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 326, 18 июня 2002 г.).

86. В тех случаях, когда связанные с делом факты и обстоятельства в целом, либо в большей части известны только властям, как в случае с лицами, находящимися под их контролем или под стражей, в отношении телесных повреждений и смерти таких лиц могут быть сделаны определенные предположения и допущения. Фактически бремя доказывания и предоставления убедительного объяснения лежит на властях (см. *Salman v. Turkey* [GC], № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Çakıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

87. В данном деле Суд отметил, что правительство отрицало как свою ответственность за гибель сына заявителя, так и тот факт, что федеральные войска проводили какую-либо спецоперацию («зачистку») возле центрального рынка г. Грозного 26 ноября 2000 г. С другой стороны, оно признало определенные факты, лежащие в основе версии заявителя об исчезновении и гибели Асланбека Кукаева. В частности, стороны согласны в том, что сын заявителя вместе с рядом других лиц был похищен вооруженными людьми в камуфляжной форме вблизи центрального рынка г. Грозного в дневное время 26 ноября 2000 г. Таким образом, вначале следует установить тот факт, что данные вооруженные люди были федеральными военнослужащими.

88. Суд отметил в этой связи, что факт проведения федеральными силами спецоперации на центральном рынке г. Грозного был

подтвержден рядом свидетельских показаний, включая те, на которые ссылалось правительство в своих возражениях (см. п. 84 выше), и те, которые представил сам заявитель (см. п. 12 выше), а также рапортом командира чеченского ОМОНа о результатах внутреннего расследования гибели Асланбека Кукаева (см. п. 39 выше). Более того, материалы, представленные Суду, не позволяют предположить, какие еще вооруженные люди, кроме федеральных военнослужащих, присутствовали при похищении сына заявителя. В частности, показания свидетелей не содержат ничего, из чего можно было бы сделать заключение о причастности незаконных вооруженных формирований к данному преступлению, в то время как показания сотрудника милиции г-на Дж. ясно указывают на то, что федеральные военнослужащие были причастны к задержанию Асланбека Кукаева (см. пп. 16-17 выше). В данных обстоятельствах Суд установил, что сын заявителя был задержан представителями государства в ходе спецоперации 26 ноября 2000 г.

89. Стороны далее согласились, - и это было ясно отражено в национальном судопроизводстве, - что Асланбек Кукаев погиб в результате убийства, а его тело было обнаружено в том же месте и в тот же день что и тело г-на Д., вместе с которым он был похищен. Более того, официальная дата смерти Асланбека Кукаева, 26 ноября 2000 г., указанная в соответствующих свидетельствах (см. пп. 36-38 выше), возражений у правительства не вызвала.

90. Таким образом, из фактов дела явствует, что сын заявителя был убит в тот же день, в который он был взят под стражу. Суд отметил, что в этой связи правительством никогда не утверждалось и не предполагалось на основании представленных доказательств, что сын заявителя был освобожден сразу после задержания, либо вскорости после него. В данных обстоятельствах Суд вынужден заключить, что сын заявителя погиб после того, как был арестован представителями федеральных силовых структур. В отсутствие какого-либо правдоподобного объяснения правительством обстоятельств гибели Асланбека Кукаева, Суд далее постановил, что правительство не сумело объяснить смерть сына заявителя в момент его нахождения под арестом, и таким образом государство-ответчик несет ответственность за его смерть.

91. Соответственно, в этой связи имело место нарушение ст. 2 Конвенции.

В. Предполагаемая неадекватность расследования

1. Доводы сторон

92. Заявитель утверждал, что расследование, проведенное в данном деле, не могло считаться адекватным и эффективным согласно стандартам, установленным Конвенцией. Несмотря на то, что следствие продолжалось более шести лет и неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, оно не привело к установлению и наказанию лиц, совершивших преступление, хотя в деле имелись многочисленные свидетельства, указывавшие на предполагаемых преступников, а также на то, к какой военной части они принадлежали, ее местонахождение и эмблему. Более того, следственными органами не был принят ряд необходимых мер, а именно: адекватный осмотр места преступления, проведение баллистических экспертиз, розыск и допрос свидетелей похищения сына заявителя, а также расследование утверждений заявителя о том, что автомобиль, на котором уехал в тот день его сын, был якобы впоследствии замечен на базе федеральных войск в Ханкале. Власти не отнеслись к расследованию данного преступления как к обязательству, которое надлежит выполнить в срочном порядке, а также не держали заявителя в курсе хода расследования по его делу. Заявитель далее указывает, что даже несмотря на то, что тело Асланбека Кукаева было обнаружено 22 апреля 2001 г., расследование в уголовном деле по факту убийства его сына, а не по факту похищения, началось лишь 22 декабря 2005 г.

93. Правительство утверждало, что расследование исчезновения и смерти Асланбека Кукаева соответствовало требованиям Конвенции о эффективности, так как на национальном уровне были приняты все меры для установления лиц, совершивших преступление. По словам правительства, длительность расследования была вполне оправданной в условиях общей тяжелой ситуации в Чеченской республике.

2. Оценка Суда

94. Суд повторяет, что обязательство по защите права на жизнь, установленное ст. 2 Конвенции, в совокупности с общим обязательством государства согласно ст. 1 Конвенции «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции», также подразумевает обязанность провести официальное расследование в тех случаях, когда граждане погибают в результате применения вооруженной силы (см *McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г., Series A № 324, § 161, и *Kaya v. Turkey*, решение от 19 февраля 1998 г., *Reports* 1998-I, с. 329, § 105). Основной целью такого расследования должно быть обеспечение эффективного

применения национального законодательства, направленного на защиту права на жизнь, а в тех случаях, где к нарушению этого права причастны представители и агенты государства, а также их ответственность за смерть, наступившую во время нахождения погибшего под их контролем. Власти обязаны действовать по собственному побуждению, как только подобные факты доходят до их сведения. Недопустимо ожидать, пока родственники погибшего подадут официальную жалобу, либо предполагать, что они возьмут на себя функции следствия (см. *Ilhan v. Turkey* [GC] № 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII).

95. Расследование должно быть эффективным в том смысле, в котором оно должно привести к установлению личности и наказанию виновных в совершении преступления (см. *Ögur v. Turkey* [GC], № 21954/93, § 88, ECHR 1999-III). Любой недостаток в расследовании, снижающий вероятность выявления причин гибели либо установления виновных, не будет соответствовать данному стандарту. В этой связи установлено четкое требование своевременности и проведения расследования в разумные сроки (см. *Yaşa v. Turkey*, решение от 2 сентября 1998 г., *Reports* 1998-VI, § 102-04, и *Mahmut Kaya v. Turkey*, № 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-07). Следует принять, что в определенной ситуации могут присутствовать препятствия и трудности, осложняющие ход расследования. Однако незамедлительное реагирование властей в деле расследования применения силы со смертельным исходом обычно рассматривается как обязательное условие, необходимое для поддержания доверия к общественному правопорядку и предотвращения пособничества или попустительства в отношении незаконных действий.

96. В данном деле Суд отметил, что расследование обстоятельств исчезновения и гибели сына заявителя частично было предпринято. Предстоит оценить, соответствовало ли проведенное расследование стандартам, установленным ст. 2 Конвенции. Суд отметил в этой связи, что его осведомленность о деталях данного уголовного дела ограничивается материалами, которые государство-ответчик посчитало нужным представить из общего объема материалов по уголовному делу (см. пп. 62-64 выше). Делая выводы на основании поведения государства-ответчика в вопросе получения доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 г., Series A № 25, стр. 64-65, § 161), Суду предстоит оценить обстоятельства жалобы на основании доступной информации в свете данных предположений.

97. Суд отметил, что начиная с 13 декабря 2000 г., когда было начато следствие по факту исчезновения сына заявителя, оно сопровождалось постоянными необъяснимыми нарушениями, связанными с осуществлением необходимых шагов, когда таковые

имели решающее значение. В частности, Суд не может не согласиться с доводами заявителя о том, что, несмотря на утверждения ряда свидетелей, в первую очередь сотрудников правоохранительных органов г-на Дж. и г-на Г., на чьи показания ссылалось правительство, о том, что Асланбек Кукаев был задержан федеральными военнослужащими, и даже указание конкретной военной части, к которой они принадлежали, ее местонахождения и эмблемы, судя по всему, никаких значимых усилий для расследования возможной причастности указанных военнослужащих к похищению и убийству сына заявителя предпринято не было. Далее, как представляется Суду, в т.ч. вследствие того, что правительство не представило никакой информации по этому поводу, не было проведено ни экспертизы ни района, где был похищен сын заявителя, ни исследования места, где было обнаружено его тело, ни каких-либо других экспертиз. В отношении последнего Суд выразил свой скептицизм относительно заявлений правительства о том, что 23 апреля 2001 г. тела Асланбека Кукаева и г-на Д. были осмотрены судмедэкспертами, составившими в мае 2001 г. заключение на основании этого осмотра, так как правительство не представило данного заключения или каких-либо других документов на этот счет.

98. Суд также выразил свое недоумение по поводу того, что, хотя тело Асланбека Кукаева было обнаружено 22 апреля 2001 г., расследование по факту убийства было начато лишь 22 декабря 2005 г., когда, в ходе изучения материалов по делу № 12331 о похищении сына заявителя и других лиц, следователь, проводивший расследование, наткнулся на информацию об обнаружении тела. В данных обстоятельствах представляется более чем сомнительным, чтобы расследование по факту убийства сына заявителя вообще имело место до 22 декабря 2005 г.

99. Суд далее отметил, что остается неясным, был ли заявитель вообще признан потерпевшим по данному уголовному делу. Правительство утверждало, что заявитель был признан потерпевшим по делу 20 декабря 2005 г., однако, оно не предоставило никакого формального постановления либо другого документа, подтверждающего это. Даже предполагая, что данное утверждение соответствует действительности, Суд отмечает неспособность правительства объяснить столь значительную задержку в осуществлении важнейших следственных действий, которые могли бы дать заявителю минимальные процессуальные гарантии. В этой связи также очевидно, что до принятия решения о признании его потерпевшим, он не мог получить доступ к материалам дела, так как не имел процессуального права участвовать в расследовании. Более того, заявителем утверждалось, что даже после этого, в марте 2006 г., ему было отказано в доступе к материалам. Также представляется, что

до и даже после того, как заявитель был якобы признан потерпевшим по уголовному делу, информация касательно хода расследования предоставлялась ему нерегулярно и обрывчато.

100. Наконец, Суд отметил, что расследование продолжалось с декабря 2000 г. по ноябрь 2001 г., после чего оно было приостановлено на четыре года и возобновлено лишь в декабре 2005 г.. Правительство не дало никакого разумного объяснения столь длительному периоду бездействия. После возобновления расследования, оно продолжалось по крайней мере до января 2007 г. В период между декабрем 2000 г. и январем 2007 г. расследование приостанавливалось и возобновлялось по крайней мере 6 раз.

101. В отношении утверждения правительства относительно того, что заявитель не обжаловал в судебном порядке действия или бездействие следственных органов по ст. 125 УК РФ, Суд отметил, что в условиях, когда эффективность расследования с самого начала была подорвана невыполнением властями их обязательства по принятию необходимых и безотлагательных следственных мер; когда расследование неоднократно приостанавливалось и возобновлялось; когда заявителю отказывалось в доступе к материалам дела, по крайней мере, до декабря 2005 г. и, с большой вероятностью, после этого; когда его нерегулярно информировали о ходе расследования, представляется крайне сомнительным, чтобы средства правовой защиты, на которые ссылается правительство, могли бы быть эффективными. Более того, правительство не продемонстрировало с должной убедительностью, что данное средство могло бы обеспечить восстановление нарушенных прав в ситуации, в которой находился заявитель, - другими словами, что данное средство могло бы устранить недостатки в расследовании и привело бы к установлению личности и наказанию ответственных за похищение и гибель его сына. Таким образом, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела факт того, что средство, предложенное правительством, было бы эффективно в соответствии со значением, установленным Конвенцией, не был установлен с достаточной убедительностью. Суд постановил, что заявитель не был обязан воспользоваться данным средством, и что данная часть предварительных возражений Правительства должна быть таким образом отклонена.

102. В свете вышесказанного и с учетом выводов, сделанных на основании представленных государством-ответчиком доказательств, Суд пришел к заключению, что власти не выполнили своего обязательства по проведению тщательного и эффективного расследования обстоятельств гибели Асланбека Кукаева. Таким образом, Суд постановил, что в этом отношении имело место нарушение ст. 2 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение ст. 3 Конвенции

103. Заявитель жаловался на причиненные ему в нарушение ст. 3 Конвенции моральные страдания, вызванные исчезновением и гибелью его сына и невыполнением государством обязательства по должному расследованию этих событий. Данная статья предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

104. Заявитель утверждал, что ему были причинены значительные моральные страдания, подпадающие под определение, предусматриваемое ст. 3 Конвенции, в связи с тем, что в течение нескольких месяцев у него не было никакой информации о судьбе его сына, а его попытки отыскать Асланбека Кукаева и добиться расследования его смерти не получали должного содействия со стороны государственных органов.

105. Правительство утверждало, что следствием не было установлено, что заявитель подвергался бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению, запрещенному ст. 3 Конвенции. По мнению правительства, расследование проводилось в соответствии с требованиями, предусмотренными этой статьей. Правительство также утверждало, что «восприятие событий является очень индивидуальным фактором, зависящим от эмоциональных и других характеристик личности конкретного индивидуума, и относится скорее к сфере психологии», и таким образом, «оценить степень моральных страданий, причиненных заявителю действиями и позицией следственных органов, не представляется возможным», в то время, как последние несут ответственность лишь за расследование преступных деяний.

106. Суд повторяет, что родственники пропавших без вести могут претендовать на то, чтобы считаться жертвами обращения, противоречащего ст. 3 (см. *Kurt v. Turkey*, решение от 25 мая 1998 г., *Reports* 1998-III, § 130-134), однако этот принцип не всегда применим к ситуациям, когда задержанный властями впоследствии обнаружен мертвым (см. в том числе *Tanli v. Turkey*, № 26129/95, § 159, ECHR 2001-III (выдержки)). В таких случаях Суд обычно ограничивается установлением нарушения ст. 2. Однако в тех случаях, когда изначальный период с момента исчезновения достаточно длителен, Суд может в отдельных случаях рассмотреть данные обстоятельства как отдельное нарушение Статьи 3 (см. *Gongadze v. Ukraine*, № 34056/02, §§ 184-186, ECHR 2005-XI, и *Luluyev and Others v. Russia*, № 69480/01, § 114, ECHR 2006-... (выдержки)).

107. В данном случае сын заявителя считался пропавшим без вести с 26 ноября 2000 г. до 22 апреля 2001 г., т.е. в течение почти пяти

месяцев. По мнению Суда, весь этот период, в течение которого заявитель испытывал тревогу и стресс и находился в состоянии мучительной неизвестности, все из которых являются специфическими факторами, присущими случаям исчезновения, является достаточным основанием для рассмотрения вопроса о нарушении ст. 3 Конвенции. Моральные страдания, причиненные заявителю в этот период, подтверждаются его многочисленными попытками побудить власти действовать, а также попытками отыскать своего сына. Суду, таким образом, предстоит установить, являлись ли действия (бездействие) властей в течение этого периода нарушением ст. 3 в отношении заявителя.

108. В этой связи Суд ссылаясь на установленные выше обстоятельства, касающиеся упущений в расследовании. В частности, Суд считает, что отказ властей признать заявителя потерпевшим по данному делу на протяжении всего времени до начала рассмотрения дела Судом, отсутствие доступа к материалам дела, а также скудность получаемой им информации о ходе расследования являются составляющими причиненных заявителю моральных страданий. Следовательно, Суд заключает, что состояние неизвестности, в котором находился заявитель относительно судьбы его сына, ухудшалось тем фактом, что его держали в неведении относительно хода следствия.

109. Таким образом, Суд установил, что заявителю были причинены моральные страдания в результате исчезновения его сына и невозможности выяснить его судьбу и получить доступ к своевременной и полной информации относительно хода расследования. Обращение, которому был подвергнут заявитель со стороны властей, было бесчеловечным, что является нарушением ст. 3 Конвенции.

110. В свете вышесказанного Суд установил, что в этом отношении имело место нарушение ст. 3 Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение ст. 13 Конвенции

111. Заявитель пояснил, что у него не имелось эффективных средств правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений ст. 2 и 3 в нарушение ст. 13 Конвенции, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в... Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

112. Заявитель утверждает, что национальные средства правовой защиты, обычно доступные в таких случаях, оказались

неэффективными в его случае, так как расследование продолжалось в течение нескольких лет без заметного прогресса, и при этом его никогда должным образом не информировали о ходе этого расследования. В отношении копий судебных решений, представленных правительством в обоснование его утверждений о наличии эффективных средств правовой защиты в Российской Федерации, заявитель возражал, что решения, принятые по гражданским делам, не относились к делу, так как, в соответствии с состоявшейся практикой Суда, предполагаемые нарушения ст. 2 и 3 Конвенции не могут быть устранены посредством лишь присуждения компенсации родственникам жертв в гражданских делах. В той части, где правительство ссылалось на судебные решения, вынесенные по уголовным делам, заявитель утверждал, что речь шла лишь об отдельных исключениях, тогда как в реальности имеет место административная практика, заключающаяся в том, что власти по-прежнему не выполняют свои обязательства по проведению эффективного расследования правонарушений, совершенных представителями федеральных сил в Чеченской республике.

113. Согласно представленному правительством меморандуму, у заявителя был доступ к эффективным средствам правовой защиты в соответствии со ст. 13 Конвенции и власти никак не препятствовали его возможности ими воспользоваться. В частности, заявитель получал мотивированные ответы на все свои жалобы, поданные в ходе уголовного судопроизводства. Кроме этого, у заявителя была возможность обжаловать действия либо бездействие следственных органов в военную прокуратуру различных инстанций либо в Генеральную прокуратуру РФ, а также в военных судах различных инстанций и в Верховном Суде Российской Федерации. Правительство еще раз повторило свои заявления в отношении наличия эффективных средств правовой защиты на национальном уровне в РФ, представив копии судебных решений (см. п. 66).

114. Суд повторяет, что ст. 13 Конвенции требует от государства гарантировать доступность эффективных средств защиты прав и свобод, закрепленных в Конвенции на национальном уровне независимо от того, в какой форме они обеспечены в национальном законодательстве. Действие ст. 13, таким образом, требует наличия средств правовой защиты на национальном уровне для рассмотрения существа «спорной жалобы» согласно Конвенции и принятия необходимых мер, несмотря на то, что договаривающимся странам предоставлена некоторая степень свободы выбирать на свое усмотрение способ выполнения своих обязательств по данному положению Конвенции. Объем обязательств по ст. 13 варьируется в зависимости от сути жалобы заявителя согласно Конвенции. Несмотря на это, средство правовой защиты, требующееся согласно положениям

ст. 13, должно быть эффективным на практике и по смыслу закона, прежде всего в том смысле, что для его использования не должно быть неоправданных препятствий, создаваемых действиями либо бездействием властей государства-ответчика (см. вышеупомянутое решение по делу *Aksoy*, § 95).

115. Учитывая фундаментальную важность права на жизнь, ст. 13 предусматривает, в дополнение к выплате компенсаций там, где это требуется, проведение тщательного и эффективное расследование, которое должно быть способным к установлению личности и наказанию лиц, ответственных за совершение преступления, включая эффективный доступ заявителя к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, № 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; *Assenov and Others v. Bulgaria*, решение от 28 октября 1998 г., *Reports* 1998-VIII, § 117; и *Süheyla Aydın v. Turkey*, № 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Суд повторяет, что обязательства в рамках ст. 13 включают в себя обязательство страны-участника Конвенции согласно ст. 2 провести эффективное расследование, однако не ограничиваются ими (см. вышеупомянутое решение по делу *Orhan*, § 384).

116. Принимая во внимание факты, установленные судом относительно ст. 2, жалоба заявителя была со всей очевидностью «обоснована» по смыслу ст. 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, решение от 27 апреля 1988 г., Series A № 131, § 52). Таким образом, заявителю должна была быть предоставлена возможность воспользоваться эффективными и практическими правовыми средствами, которые могли бы помочь установить и наказать лиц, ответственных за совершение преступления, а также присудить заявителю компенсацию согласно ст. 13.

117. Из этого следует, что в тех обстоятельствах, как в данном случае, когда расследование по уголовному делу оказалось неэффективным (см. п. 102 выше), а эффективность любых других имеющихся правовых средств, включая гражданско-правовые средства защиты, была соответственно подорвана, государство следует считать не выполнившим свои обязательства по ст. 13 Конвенции (см., среди прочего, *Imakayeva v. Russia*, № 7615/02, § 195, ECHR 2006-... (выдержки)).

118. Таким образом, имело место нарушение ст. 13 Конвенции в связи со ст. 2 Конвенции.

119. В том, что касается ссылки заявителя на ст. 13 в связи со ст. 3 Конвенции, Суд отметил, что выше им было установлено, что заявителю были причинены значительные моральные страдания, вызванные в том числе ненадлежащим и неэффективным расследованием, которое власти провели в отношении исчезновения и гибели его сына (см. пп. 108-110 выше) и что он также установил

нарушение ст. 13 Конвенции в связи со ст. 2 Конвенции в отношении отсутствия эффективных средств правовой защиты в ситуации, в которой находился заявитель, когда расследование оказалось неэффективным (см. параграф 117 выше). Принимая во внимание вышесказанное, Суд считает, что жалоба заявителя по ст. 13 в связи со ст. 3 Конвенции может быть включена в суть его жалобы по ст. 13 в связи со ст. 2 Конвенции. Суд, таким образом, не считает нужным рассматривать жалобу по ст. 13 в связи со ст. 3 Конвенции.

V. Соблюдение ст. 38(1)(а) Конвенции

120. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб по ст. 34 Конвенции крайне важным является создание государствами-участниками всех необходимых условий для должного и эффективного рассмотрения поданных жалоб (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], № 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Данное обязательство требует от договаривающихся сторон предоставлять Суду все необходимые средства вне зависимости от того, идет ли речь о выяснении фактов и обстоятельств дела или о выполнении общих обязательств по рассмотрению жалоб. Отказ правительства предоставить информацию такого рода, находящуюся в его распоряжении в отсутствие удовлетворительного объяснения может не только послужить причиной определенных заключений относительно обоснованности утверждений заявителя, но и негативно сказаться на оценке соблюдения государством-ответчиком его обязательств по ст. 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, № 3531/94, § 66, ECHR 2000-VI). В случае, если заявитель ставит вопрос об эффективности расследования, документы, относящиеся к уголовному расследованию, будут иметь принципиальное значение для установления фактов, а их отсутствие может послужить причиной предубежденной позиции Суда к жалобе как на стадии принятия решения о приемлемости, так и на стадии ее рассмотрения по существу (см. вышеупомянутое решение по делу *Tanrikulu*, приведенный выше, § 70).

121. Суд отметил, что он неоднократно обращался к правительству с просьбой предоставить копию материалов уголовного дела, открытого по факту похищения и убийства сына заявителя. Свидетельства, содержащиеся в этих материалах, рассматривались Судом как имеющие решающее значение для установления фактов в рассматриваемом деле. В ответ правительство представило только копии процедурных решений об открытии, приостановлении и возобновлении уголовного производства, копии постановлений следователей о принятии дела к своему производству и некоторые из писем, посредством которых заявителя уведомляли о приостановлении

и возобновлении уголовного производства по его делу. Правительство отказалось представить любые другие документа, такие как расшифровки допросов, отчеты о действиях следствия или даже заключение о результатах судмедэкспертизы тела Асланбека Кукаева и решение о признании заявителя потерпевшим по делу, ссылаясь на ст. 161 УПК РФ.

122. Суд указал в этой связи, что правительство не просило о применении п. 2 Правила 33 Регламента Суда, предусматривающего ограничение публичного доступа к документам, переданным Суду для целей разбирательства в интересах национальной безопасности и защита личной жизни, а также в интересах правосудия. Суд далее отметил, что положения ст. 161 УПК РФ, на которую ссылалось правительство, не препятствуют раскрытию материалов незавершенного расследования, а устанавливают процедуру и ограничения касательно такого раскрытия. Правительство не указало, какого рода были документы и каковы были основания для отказа в их предоставлении (см. аналогичные выводы в деле *Mikheyev v. Russia*, № 77617/01, § 104, 26 января 2006 г.). Суд также отметил, что в ряде аналогичных рассмотренных или рассматриваемых им дел им делались подобные запросы в адрес российского правительства и документы из материалов уголовных дел передавались Суду без ссылки на ст. 161 (см., напр., дело *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, § 46, и *Magomadov and Magomadov v. Russia* (dec.), № 58752/00, 24 ноября 2005 г.). По этим причинам Суд считает, что объяснения правительства относительно невозможности раскрытия материалов дела недостаточны для обоснования правомерности непредоставления Суду ключевой информации по делу.

123. Принимая во внимание важность сотрудничества со стороны государства-ответчика в том, что касается расследования, а также те трудности, с которыми сопряжено установление фактов в делах такого рода, Суд установил, что правительство РФ не выполнило своих обязательств, предусмотренных § 1(a) ст. 38 Конвенции, в связи с отказом а предоставить копии запрошенных документов, относящихся к похищению и убийству Асланбека Кукаева.

VI. Применение ст. 41 Конвенции

124. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

1. Материальный ущерб

125. Заявитель потребовал выплаты 34 978,70 фунтов стерлингов в счет упущенного дохода от заработной платы его сына. Он заявил, что Асланбек Кукаев, которому на момент смерти было 25 лет, получал заработную плату в размере 250 долларов США в месяц и содержал заявителя и его жену. Заявитель утверждал, что он и его жена могли рассчитывать на финансовую поддержку со стороны сына до того момента, как ему исполнилось бы 60 лет – возраст выхода на пенсию для мужского населения России, а также средняя продолжительность жизни мужчин в России. Заявитель ссылался в своих расчетах на таблицы, разработанные для исчисления компенсации при несчастных случаях страховым департаментом правительства Великобритании (таблицы Огдена), за отсутствием в России эквивалентных методов и инструментов для подобных расчетов.

126. Правительство возражало, что требования заявителя по этой статье являются завышенными и необоснованными. По его мнению, рассчитать сумму, которую Асланбек Кукаев мог бы заработать, если бы не был убит, не представляется возможным, и потому любые расчеты, касающиеся его будущих заработков, являются лишь приблизительными и малодостоверными.

127. Суд повторяет, что требуется наличие отчетливой причинной связи между причиненным заявителю ущербом и нарушением Конвенции, и в определенных случаях речь может идти о компенсации за недополученные доходы (см. в том числе вышеупомянутое дело *Çakıcı*, § 127). Суд посчитал установленным, что Асланбек Кукаев погиб после задержания федеральными вооруженными силами и в соответствии со ст. 2 Конвенции государство несет за это ответственность (см. пп. 88 и 90 выше). В данных обстоятельствах присутствует прямая причинная связь между нарушением ст. 2 и утратой родителями упущенного дохода с связи со смертью кормильца, являвшегося для них источником этого дохода. Суд, однако, не убежден в том, что требуемая сумма разумна, принимая во

внимание, что заявитель учел лишь среднюю продолжительность жизни погибшего, но не его иждивенцев. Более того, заявитель не указал, на какую долю дохода своего сына он мог бы рассчитывать (в отличие от вышеупомянутого дела *Imakayeva*, § 210). Он также не учел компенсацию, полученную за потерю кормильца на национальном уровне. Принимая во внимание эти обстоятельства, Суд считает уместным присудить заявителю сумму в 7 тыс. евро в счет материального ущерба, плюс любой налог, подлежащий уплате с этой суммы.

2. Моральный вред

128. Заявитель потребовал выплаты 100 тыс. евро в отношении морального вреда, причиненного перенесенными им страхом, душевными страданиями и стрессом, вызванными потерей сына.

129. Правительство сочло требуемую сумму чрезмерной и заявило, что в случае, если Суд посчитает, что нарушение прав заявителя имело место, будет достаточно выплаты минимальной суммы.

130. Суд отмечает, что им были установлены нарушения ст. 2, 3 и 13 Конвенции в связи с исчезновением и смертью сына заявителя, моральными страданиями, перенесенными заявителем, и отсутствием эффективных средств обеспечения восстановления законности на национальном уровне в отношении упомянутых нарушений. Суд также установил нарушения ст. 38(1)(а) Конвенции в связи с невыполнением правительством обязательства по предоставлению Суду запрошенных им документов. Суд соглашается, что заявителю были причинены моральные страдания и стресс в результате упомянутых обстоятельств и что компенсация таковых не может ограничиваться признанием факта нарушения. Принимая данные основания, Суд присуждает заявителю на справедливой основе 35 тыс. евро за моральный вред, плюс любой налог, подлежащий уплате с этой суммы.

В. Требования заявителя о проведении расследования

131. Заявитель также просил, ссылаясь на ст. 41 Конвенции, о проведении «независимого расследования обстоятельств исчезновения его сына, которое бы соответствовало стандартам, установленным Конвенцией». В этой связи он ссылаясь на дела *Assanidze v. Georgia* ([GC], № 71503/01, §§ 202-203, ECHR 2004-II) и *Tahsin Acar v. Turkey* ((предварительные возражения) [GC], № 26307/95, § 84, ECHR 2003-VI).

132. Правительство возражало, что следствие по делу об убийстве сына заявителя было не завершено, а потому не было необходимости в

том, чтобы Суд указывал на необходимость принятия каких-либо дополнительных мер в этой связи.

133. Суд повторяет, что в контексте исполнения решений в соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 46 Конвенция, решение, в котором Судом установлено нарушение, налагает на государство-ответчика обязательство устранить данное нарушение в соответствии с положениями упомянутой статьи, а также возместить вред, причиненный последствиями такого нарушения, из расчета максимально возможного восстановления первоначальной ситуации и нарушенных прав (*restitutio in integrum*). Однако решения Суда носят деклараторный характер и в целом выбор средств в рамках национального правопорядка для исполнения своих правовых обязательств по ст. 46 Конвенции остается на усмотрение государства-ответчика при условии, что таковые средства отвечают выводам, содержащимся в решении Суда (см. в том числе *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII; *Brumărescu v. Romania* (в части справедливой компенсации) [GC], № 28342/95, § 20, ECHR 2001-I; *Akdivar and Others v. Turkey* (ст. 50), решение от 1 апреля 1998 г., *Reports* 1998-II, стр. 723-24, § 47; и *Marckx v. Belgium*, решение от 13 июня 1979 г., Series A № 31, с. 25, § 58). Данная свобода усмотрения в отношении выбора средств исполнения решения отражает свободу выбора согласно Конвенции, составляющую основу первичного обязательства договаривающихся сторон по обеспечению гарантированных прав и свобод (ст. 1) (см. *mutatis mutandis*, *Papamichalopoulos and Others v. Greece* (ст. 50), решение от 31 октября 1995 г., Series A № 330-B, стр. 58-59, § 34).

134. По мнению Суда, данное дело отличается от тех, на которые ссылался заявитель. В частности, решение в деле *Assanidze* предписывало государству-ответчику обеспечить освобождение заявителя с целью ликвидации нарушения п. 1 ст. 5 и п.1 ст. 6, а в решении по делу *Tahsin Acar* эффективное расследование было упомянуто в контексте рассмотрения Судом ходатайства государства-ответчика об исключении жалобы из списка дел Суда на основании одностороннего заявления. Суд далее отметил, что, согласно его выводам, в данном деле эффективность расследования была подорвана уже на ранних его стадиях вследствие неисполнения властями обязанности принять необходимые следственные меры (см. пп. 97 и 101 выше). Таким образом, представляется крайне сомнительной возможность восстановления ситуации до того состояния, в котором она была до нарушения. В данных обстоятельствах, принимая во внимание устоявшиеся принципы, изложенные выше, а также довод правительства о том, что следствие по делу не завершено, Суд считает приемлемым оставить на усмотрение государства-ответчика выбор

средств согласно национальному законодательству для выполнения своей обязанности, установленной ст. 46 Конвенции.

С. Судебные расходы и издержки

135. Заявитель просил присудить ему 8 750 евро и 2 973,20 фунтов стерлингов в счет понесенных судебных расходов и издержек в ходе судопроизводства на национальном уровне и в связи с разбирательством в Европейском Суде. Эта сумма включает 5 150 евро, причитающихся юристам Правозащитного центра «Мемориал», 3 600 евро за работу сотрудников отделения ПЦ «Мемориал» на Северном Кавказе, 1 316,70 фунтов стерлингов, причитающихся юристам Европейского центра защиты прав человека, 1 446,50 фунтов за перевод документов и 210 фунтов в счет административных расходов, включающих почтовые расходы, копирование материалов, их отправку по факсу и пр.

136. Правительство не оспаривало подробности расчетов, представленных заявителем, однако оспорило требования заявителя в целом как чрезмерные, ссылаясь при этом на установленные размеры гонораров юристов в Российской Федерации. Правительство ссылалось на практику Суда, согласно которой расходы и издержки должны быть выплачены лишь в той мере, в какой они действительно имели место и были адекватны реально понесенным расходам. Правительство также настаивало на том, что требования заявителя не подтверждены документально.

137. Суд повторяет, что расходы и издержки не могут быть выплачены на основании положений ст. 41 в отсутствие доказательств того, что они в действительности имели место, а также их адекватности реально понесенным расходам (см. *Iatridis v. Greece* (в части справедливой компенсации) [GC], № 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI).

138. Суд отмечает, что, во-первых, заявитель не представил никаких документальных подтверждений обоснованности его требований о компенсации административных расходов. Таким образом, Суд отклоняет эту часть требований заявителя. Суд далее указал, что в апреле 2002 г. и апреле 2005 г. заявитель уполномочил юристов Правозащитного центра «Мемориал» и Европейского центра защиты прав человека представлять его интересы в Европейском Суде по правам человека, и эти юристы представляли его на протяжении всего разбирательства. Заявитель также представил счета от переводчиков на общую сумму 1 446,50 фунтов стерлингов (2 142,94 евро). Суд, таким образом, находит требования заявителя в этой части обоснованными.

139. Суд далее отметил, что данное дело было довольно сложным и требовало определенного объема работы по сбору доказательств. С другой стороны, этот объем не требует большого количества документов, в особенности, после подачи первоначальной жалобы; вследствие этого Суд сомневается в том, что на более поздних стадиях в деле требовался большой объем работы по сбору и обработке доказательств со стороны представителей заявителя.

140. В данных обстоятельствах, принимая во внимание детализированные требования, предъявленные заявителем, Суд присуждает в его пользу меньшую, нежели запрашиваемая, сумму в 8 000 евро минус 850 евро, полученные в счет юридической помощи от Совета Европы, включая любой налог, подлежащий уплате с этой суммы.

D. Процент за просрочку

141. Суд считает, что процентная ставка за просрочку должна основываться на официальном обменном курсе Европейского центрального банка с добавлением трех процентных пунктов.

По этим основаниям Суд единогласно

1. *Отклоняет* предварительное возражение правительства;
2. *Устанавливает*, что имело место нарушение ст. 2 Конвенции в связи с исчезновением и смертью Асланбека Кукаева;
3. *Устанавливает*, что имело место нарушение ст. 2 Конвенции в связи с непроведением властями эффективного расследования обстоятельств исчезновения и смерти Асланбека Кукаева;
4. *Устанавливает*, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции в связи с моральными страданиями, причиненными заявителю в результате исчезновения его сына и отсутствия эффективного расследования произошедшего;
5. *Устанавливает*, что имело место нарушение ст. 13 Конвенции в связи с предполагаемым нарушением ст. 2 Конвенции;
6. *Устанавливает*, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя по ст. 13 Конвенции в сочетании со ст. 3 Конвенции ;

7. *Устанавливает*, что имело место нарушение ст. 38(1)(а) Конвенции в связи с отказом правительства представить материалы, запрошенные Судом;
8. *Устанавливает*
- (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления решения в силу в соответствии с п.2 ст. 44 Конвенции следующие суммы:
    - (i) 7 000 (семь тысяч) евро за материальный ущерб;
    - (ii) 35 000 (тридцать пять тысяч) евро за моральный вред;
    - (iii) 7 150 (семь тысяч сто пятьдесят) евро за судебные расходы и издержки;
    - (iv) любой налог, включая НДС, который может быть взыскан с вышеуказанных сумм;
  - (b) что по прошествии вышеуказанных трех месяцев вплоть до выплаты присужденной суммы должен также быть выплачен простой процент на вышеуказанные суммы по ставке, равной официальному обменному курсу Европейского центрального банка за просроченный период плюс три процента;
9. *Отклоняет* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Решение составлено на английском языке и оглашено в письменном виде в соответствии с Правилом 77, п. 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердик
Секретарь Секции

ПЕЕР ЛОРЕНЦЕН
Председатель